

Новый Журнал

176

THE NEW
REVIEW

Редакционная коллегия:

Ю. Д. Кашкаров

В. П. Крейд

М. И. Раев

В. М. Сечкарев

И. В. Чиннов

З. О. Юрьева

Секретарь редакции:

А. Н. Тюрин

Обложка работы Мстислава Добужинского

THE NEW REVIEW

SEPTEMBER 1989

© 1989 by THE NEW REVIEW

Присланные рукописи не возвращаются

NEW REVIEW (ISSN 0029-5337) is published quarterly by New Review Inc., 611 Broadway, #842, New York, N.Y. 10012. Second Class postage paid at New York, N.Y. Publication No. 596680. POSTMASTER: Send address changes to the New Review, 611 Broadway, #842, New York, N.Y. 10012.

Printed in USA by COMPUTOPRINT Corporation

35 Harding Avenue, Clifton, NJ 07011-2209

1 (201) 772-2166   Fax 1 (201) 772-1963

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. Муравьева</i> — Душа, плывущая в эфире	5
<i>О. Капабланка</i> — Лукреция	33
<i>В. Перелешин</i> — Стихи	35
<i>А. Туманова</i> — Шаг вправо, шаг влево	39
<i>Г. Марк</i> — Стихи	51
<i>И. Болычев</i> — Стихи	52
<i>С. Серова</i> — Стихи	55
<i>Ю. Тролль</i> — Каретный ряд	56
<i>М. Колобова</i> — В больнице	75
<i>М. Крепс</i> — Писатель, 1956 г. <i>Стихи</i>	86
<i>А. Фет</i> — Стихи	87
<i>Е. Любин</i> — День омовения	88
<i>М. Ван Воллэган</i> — Персиковый остров. <i>Стихи</i> . Перевод <i>Д. Бобышева</i>	104
<i>Е. Димер</i> — В сабвее	106
<i>Е. Замятин</i> — Незаконченное. Публикация <i>А. Тюрина</i> ..	109
<i>Р. Зернова</i> — Иная реальность	134
<i>В. Крейд</i> — Неизвестные стихи известных поэтов	160

ВОСПОМИНАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ

"Старые годы". Семейные записки князей Оболенских. Воспоминания кн. <i>П.А. Оболенского</i> . Публикация кн. <i>А.П. Оболенского</i>	172
<i>Г. Дерюжинский</i> — Воспоминания о Петербурге	191
Письма <i>К.Д. Бальмонта</i> <i>Д. Шаховской</i> . Публикация <i>Ж. Шерона</i>	215

ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА

<i>В. Ракитин</i> — Авангард в русском искусстве	243
<i>А. Гершкович</i> — Москва не-театральная	253

ШАГ В ПРАВО, ШАГ В ЛЕВО...

На середине лабораторного стола, привязанный за все четыре лапы, лежал большой серый кролик. Он был совершенно неподвижен и казался мертвым. Его остекленевые выпущенные глаза, не прикрытые веками и наполненные влагой, были устремлены в никуда. И только живот, нежный, незащищенный, покрытый беловатым пушистым мехом, еле-еле вздрагивал и колыхался. Выбритая линия на брюшке вытянулась в ожидании ножа. Над зверьком склонились две головы — взъерошенная, с первой проседью, и кудрявая, коротко стриженая.

Старший научный сотрудник Арон Моисеевич чувствовал себя на пороге мирового открытия. Он так себя всегда чувствовал, приступая к очередному опыту. Большего счастья в жизни для него не было. И сейчас, собираясь убить несчастного кролика, он не мучился совестью, не видел его — перед ним была неразгаданная тайна жизни, тайна синтеза белка. Умертвить чужое творение и создать свое — то, чего смертному еще не удавалось! Арон был в экстазе. Мелкие капли пота покрывали его лоб. Глухим напряженным голосом он командовал: "Зажими, скальпель, пробирки!" Лаборантка механически выполняла его распоряжения. Она не испытывала и тени тех чувств, которые переполняли ученого. Ее потешивало, немножко кружилась голова. От кролика шел теплый, не слишком приятный запах. Но это был запах жизни, живого тела.

Три месяца назад для Анны началась новая жизнь. Она пришла в биохимическую лабораторию, ничего не зная о би-

охимии, ничего не умей. Маленький коллектив лаборатории встретил ее тепло. Все знали ее историю, правда, очень приблизительно: сидела, вернулась со всем потоком реабилитированных. В ту пору таких, как Анна, было много: в стране благоухала весна, оттаивали мысли и сердца после тридцати лет ледникового периода. И Анна начинала жить снова, то есть с того момента, когда ночным арестом оборвала ее будничная жизнь. На пять лет старше — тогда 18, сейчас 23, но это не так важно. Можно все наверстать. Анна уже начала хлопоты о восстановлении в институте на биофаке, где успела проучиться до ареста всего полгода.

Теперь главное — постараться забыть годы тюрем, пересылок, лагерей. Еще мучают ночью кошмары, но уже реже, без тех подробностей, которые превращают страшный сон в явь, и утром не веришь, что все только приснилось. В лучах утреннего солнца, заливавшего ее комнату, видения прошлого исчезали, стоило только открыть глаза. А потом наступал рабочий день, как у всех. Весенняя Москва, толкотня в автобусах, людской поток на улицах. И вот уже Анна идет по старому парку, где за огромными деревьями прячется здание института. Это было необыкновенное чувство: она идет на работу не в колонне заключенных, а как все обыкновенные люди.

Должность ее называлась младший лаборант, и хоть зарплата была мизерной, она была довольна своим обретенным положением. Медленно приходило ощущение прочности жизни. Самое главное — быть как все, ничем не выделяться, раствориться в людской массе. Судьба уже отметила ее, и отметина эта стала крестной мукой для всей семьи на пять бесконечных лет. Теперь надо все забыть. Это же так просто — не было ничего, никогда не было. Приказать себе не думать, не вспоминать. Жизнь проста и в своей простоте прекрасна. Вот так просто идти по улице, прямо, никуда не сворачивая. Недавно это было неосуществимой мечтой; шагая из угла в угол в Лефортовской одиночке, или до головокружения двигаясь по кругу в тюремном дворике, Анна готова была кричать: так хотелось, чтобы исчезла преграда на пути, чтобы можно было увидеть никогда не приближающийся горизонт и идти по направлению к нему, не останавливаясь. Теперь, в толпе, она чувствовала себя

самой счастливой — ну кто из них, этих молодых и старых людей, получает такое несказанное удовольствие от передвижения в пространстве? Шаг, еще шаг, сто шагов — и нет ни одной преграды: ни каменной стены, холодной и сырой, ни глухого забора.

Работа в лаборатории тоже приносила удовольствие: каждый день что-то новое. Арон Моисеевич, подготавливая все для очередного опыта, всегда был в приподнятом настроении. "Сейчас, Анечка, в ожидании ответа на поставленный в опыте вопрос, самое время радоваться. Сомневаться и огорчаться мы всегда успеем", — говорил он, потирая руки и хитро поглядывая на Анну. Его крепкие, толстые пальцы проделывали тончайшую работу с прозрачными, хрупкими приборами, с микроскопическими количествами всевозможных химикатов, которые он взвешивал на крошечных весах. Анна завороженно следила за его движениями, поражаясь ловкости и точности своего шефа. Их отношения сложились сразу: она восхищалась его умом, знаниями, изобретательностью, поглощенностью наукой, он — ее молодостью, любопытством ко всему новому и необычным для такой юной девушки прошлым. Не скрывая, Арон радовался ее присутствию и очень огорчался, когда Анна должна была ассистировать другим. Иногда, боясь задеть своим любопытством, он осторожно расспрашивал ее об аресте, как бы невзначай и незаметно подводя разговор к этой теме. У Анны не было сомнений в симпатии и сочувствии АRONA и к ней самой, и к тому делу, за которое она сидела. Поэтому она легко и подробно рассказывала и о молодежной организации, решившей бороться с несправедливой властью, и о том, как их, будто цыплят, всех сразу переловили, и о страшном годе, проведенном в одиночке. Арон слушал и думал, что вполне мог оказаться на ее месте, в такой вот группе, потому что давным-давно понял всю ложь, опутавшую его жизнь. Прозрел он, как и многие, вернувшись с войны, и совсем другими глазами увидел мир вокруг себя. Он удивлялся той простоте и легкости, с которыми Анна рассказывала о трагических событиях. А мог бы он сам, испытав все, что пережила эта девушка, сохранить себя, не обозлиться, не потерять легкомыслия, присущего молодости?

Одно нарушало гармонию в новой жизни Анны: она не могла спокойно видеть, как умирают подопытные животные. У маленьких симпатичных зверюшек — морских свинок, кроликов, белых юрких мышей и вполне приятных красноглазых крыс — отнимали жизнь, чтобы продлить жизнь человека. Не помогали спасительные объяснения, железная логика, с которой Арон оправдывал непреложные законы жизни — смерть одних дает жизнь другим. Что она могла возразить против этого? Но как только Анна своими глазами видела тоненькую нить, отделяющую жизнь от смерти, и ей самой надо было разъединить волокна этой нити, нарушить ее непрерывность, своей волей превратить теплое, живое существо в застывшую окаменелость, ее охватывала такая жалость, что требовалось усилие не разреветься и продолжать опыт. В этот момент Арон был ей неприятен, его обычно добрые серые глаза казались холодными, руки, орудующие над зверьком, походили на руки мясника. Милый Арон превращался в злобного урода. Анна торопила время — скорей бы уж кончилась пытка для нее и кролика. Вот уже обнажилась пульсирующая артерия каротис. Оттягивающие ткань зажимы открывают красную глубину раны. Легкий надрез на сосуде. "Канюлю!" — командует Арон. "Стаканы!" — через стеклянную трубочку в толстые центрифужные стаканы вливается тяжелая темнокрасная кровь. Анна меняет стаканы, подставляя их так, чтобы ни одна капля не пролилась. Один, два, три — выстраиваются стаканы в штативе. Последние секунды, поток крови замедляется, сейчас иссякнет. В этот момент жизнь покидает кролика, он издает отчаянный предсмертный крик. В ожидании этого томительного звука у Анны сжимается сердце. Хочется закрыть уши, но она стыдится своих терзаний, а Арон делает вид, что не замечает их — пройдет, ведь и он привык не сразу.

Первая часть опыта закончена. Мертвые глаза кролика все так же устремлены в потолок. Стараясь не смотреть на операционный стол, Анна ставит кровь в центрифугу. Сейчас у них будет обеденный перерыв, можно отдохнуть, расслабиться. Но неожиданно в дверь просовывается голова курьера из дирекции: "Анна Евгеньевна Турей, вас просят зайти в отдел кадров".

Давно ее не величали таким полным именем. Что-то кольнуло в груди. Отдел кадров — неприятное место даже для тех, у кого в прошлом нет пятен.

Попросив АRONA поставить в холодильник отцентрифугированную кровь, Анна отправилась в отдел кадров. Зинаида Павловна, начальник отдела, была малозаметной личностью, она не часто попадалась на глаза, и Анна с трудом помнила ее внешность. В ответ на стук в дверь раздался голос Зинаиды Павловны, приглашающий войти. На пороге Анна остановилась в изумлении — за большим письменным столом вместо Зинаиды Павловны сидел незнакомый мужчина. Напротив него лицом к двери сидел другой, как две капли воды похожий на первого. "Кто же говорил голосом Зинаиды Павловны?" — подумала Анна, разглядывая незнакомцев. В этот момент откуда-то сбоку появилась хозяйка кабинета.

— Так вот, Анна, я вас оставляю с товарищами, они хотят с вами побеседовать, — словно продолжая давно начатый разговор, сказала Зинаида Павловна и бочком проскользнула в дверь, осторожно закрыв ее за собой.

— Садитесь, Анна Евгеньевна, — обратился к ней тот, что сидел за столом. Несколько секунд Анна не могла двинуться с места. В ее голове проносились мысли: "Это арест! Но меня только что освободили! Я ведь не сделала ничего предосудительного. Хотя сажают безо всякой вины, только потому, что ты уже побывала в их лапах! Значит, снова тюрьма? Какой короткой была свобода".

В том, что перед ней кагебисты, у Анны не было сомнений. Эти двое были неотличимы и от ее следователей, и от тех троих, что приходили за нею ночью пять лет назад. Анна медленно подошла к столу и опустилась на стул. Знакомая дрожь, мучившая в кабинетах следователей, вцепилась в колени. У сидевшего перед столом мужчины рыжие глаза в крапинку, белесые брови и ресницы полковника Шидловского. Он так же впивался глазами, подходя вплотную к маленькому столику в дальнем углу кабинета, за которым она сидела.

Рыжие глаза приблизились к самому лицу Анны. Потом зашевелились губы, и она услышала шипение. Этот нечленораздельный звук вдруг приобрел смысл, и она начала понимать

слова: "Когда, где и как ты хотела убить министра внутренних дел Берию? Вот бумага, напиши все подробно, нарисуй план дома Берии". Губы еще шевелились, но Анна перестала различать слова. Почему ее опять спрашивают о Берии? Ведь он разоблачен как враг народа и шпион многих разведок! Да и нет его в живых, давно расстрелян.

Анна взглядалась в лицо рыжего мужчины. Он молчал, не шевелился. Она с трудом повернула голову к сидящему за столом и с удивлением встретила его улыбку. Приподнявшись, он протянул ей руку:

— Анна Евгеньевна, рад с вами познакомиться. Меня зовут Петр Сергеевич, а это наш сотрудник Иван Иванович.

Анна пожала руку и постаралась в ответ улыбнуться. Кажется, все в порядке, никто не собирается ее арестовывать, зачем паниковать. Просто пришли познакомиться.

— Мы работники КГБ и по долгу службы интересуемся жизнью тех людей, которые так или иначе были с нами связаны, — все еще улыбаясь, мягко говорил Петр Сергеевич. — Мы знаем вашу историю и рады, что вы раскаялись, поняли свои ошибки и теперь живете, как все советские люди.

Анна уже овладела собой, колени перестали дрожать.

— Что же вас интересует в моей сегодняшней жизни? — стараясь казаться безразличной, спросила она.

— Нас интересует абсолютно все, — быстро заговорил Петр Сергеевич. — Кто ваши друзья, о чем вы беседуете, что говорят сотрудники на работе, какие анекдоты рассказывают в компаниях. Мы бы хотели, чтобы вы нам обо всем сообщали. — Он вышел из-за стола и мерно заходил по комнате от окна к двери, от двери к окну. Шаги его сопровождались мягким поскрипыванием ботинок, и Анне казалось, что это слова, скрипя, выползают из его губ.

— Мы беспокоимся за ваше будущее. Один раз вы уже совершили непоправимую ошибку, поверили плохим людям, выбрали плохих друзей. Теперь мы поможем вам не ошибиться. Вы будете рассказывать о своих знакомых, а мы разъясним вам, кто хороший, а кто плохой. — На полпути к окну он неожиданно по-военному повернулся кругом и быстро подошел к Анне: — Не нам нужна ваша помощь, Анна Евгеньевна, это мы хотим помочь

вам! — Последние слова он произнес каким-то лающим, высоким голосом.

То Так вот что им нужно — ее хотят завербовать в сексоты, в стукачи. У нее есть секунды на размышление. Что ответить, не навредив себе? У нее в жизни уже был похожий момент, когда в лагере оперуполномоченный пытался соблазнить досрочным освобождением. Она наотрез отказалась. Никакие угрозы ее тогда не испугали. Да и что могло быть хуже ее приговора — 25 лет лагерей были ей обеспечены. Тогда опер отстал, понял — не на ту напал. А сейчас, если не согласиться, будут мстить, загонят в ловушку. Анна слышала в лагере много подобных историй. Но откуда появилось слово "если"? Тогда его не было — нечего было терять. А теперь? Надо сейчас, в эту минуту придумать что-то, что ей поможет избежать капкан.

Казалось, прошла вечность, прежде чем Анна ответила:

— Я не могу сотрудничать с вами, потому что до смерти боюсь вас. — Она удивилась своему изменившемуся, сдавленному голосу. Вместе со стулом к ней придвигнулся рыжий, не проронивший до сих пор ни слова. Снова на нее смотрели глаза полковника из Лефортова. Сейчас он стукнет кулаком по шаткому столику: "Встать! Хватит выкручиваться! Все вы — змееные!" — Голова Анны ушла в плечи, а коленки стали подпрыгивать.

Но Иван Иванович не закричал, а наоборот, подаввшись всем корпусом вперед и излучая доброту, начал тихо объяснять Анне, что бояться их не надо, что теперь она будет не против них, а с ними:

— Наши органы будут защищать вас от опасности, — он говорил с ней, как с больной или с ребенком. Анне показалось, что она выбрала правильное поведение: они поверили в ее страх как в основную и единственную причину нежелания стать доносчицей. Это им лучше всего понятно: из страха делают подлости, из страха их не делают. Она сказала о своей боязни так искренне потому, что это была святая правда — леденящий ужас охватывал ее при воспоминании о следствии, о суде, приговорившем трех почти мальчиков к расстрелу, а всех остальных к невероятному сроку — 25 годам лагерей. Чудом вырвавшись, всегда живешь с ощущением петли на шее.

— Я не могу побороть страх, это выше моих сил, он врос в меня и стал моим вторым "я". Толку от меня для вас не будет. Лучше оставьте меня в покое, и я сама буду оберегать себя от ошибок, от опасных знакомств. — Анна говорила все громче и уверенней, как будто нашупала твердую почву под ногами, тропинку в вязком болоте, по которой можно выбраться. — В лагере я встретила многих из тех, кто помогал вам, вашим органам — доносил на правых и виноватых. И что же — все равно вы своих верных стукачей посадили! — Куда ее несет, она называет их сотрудников презрительной кличкой! Щеки Анны пылали, она слышала, как звенит ее голос, готовый вот-вот сорваться. Только бы выдержали нервы, не дай Бог разреветься перед ними.

— Успокойтесь, Анна Евгеньевна, не надо так волноваться. Вы сами должны решить для себя, как доказать родине, что вас не напрасно освободили, простили тяжкую вину, — снова в наступление пошел Петр Сергеевич. Его бубнящий скрипучий голос не доносил слов, Анна следила только за его движениями от двери к окну, от окна к двери. Сколько часов она сама, как маятник, металась в одиночке, ведя бесконечный, безысходный диалог сама с собой.

Скрипучие шаги замерли у окна, на минуту в комнате воцарилась напряженная тишина. Молчанье прервал рыжий:

— Так что же будем делать, Анна Евгеньевна? Время идет, а мы все на том же месте, — в голосе его послышались металлические нотки. — Хватит изображать из себя испуганную девочку. Чего вы боитесь? Это враги должны нас избегать, а настоящие советские люди никогда не отказываются помогать, когда им предлагаю. Такая работа в нашей стране считается почетной. Что вы тут за глупости рассказываете, будто мы сажаем своих сотрудников? Чушь! Конечно, если они вговоре с врагом — другое дело. А ваше поведение подозрительно. Не рано ли вам дали право жить в Москве, работать в таком прекрасном научном институте?

Анна опустила глаза. "Сейчас он прочтет в моем взгляде, как я их всех ненавижу. Пусть лучше думают, что боюсь. А если все же догадаются? Тогда..." "Мы вас растопчем, как тараканов!" — брызгая слюной, кричал один из следователей, кажется, тот,

что был расстрелян вместе с министром Абакумовым после смерти Сталина.

— Разве вам не хочется жить в Москве? — услышала Анна последние слова гебешника. Надо было как-то реагировать, что-то отвечать. Но что? Ужасно хотелось прямо спросить, что будет, если она откажется сотрудничать с ними, что они с ней сделают? Опять арестуют? На что намекает рыжий? На ссылку? Но это полбеды. А если упрячут в "закрытку", во Владимир, о котором рассказывали так много страшного?!

От мысли о тюрьме стало так жаль себя, своей уже теперь навсегда загубленной жизни, что она разрыдалась. Голова упала на стол, плечи вздрагивали. Кусая губы, Анна старалась подавить вырывавшиеся из горла звуки, но вместо этого плакала еще громче. Рыжий налил Анне стакан воды, но она не поднимала головы. Петр Сергеевич заговорил мягко и вкрадчиво:

— Анна, вы разрешите называть вас просто по имени? Я ведь вам в отцы гожусь. Послушайте, что я скажу. Мы вам не угрожаем, не заставляем, мы хотим, чтобы вы добровольно согласились с нами сотрудничать. Вам будет от этого прямая польза — никто больше не сможет свернуть вас с правильного пути. — Анна не отвечала, все тело ее содрогалось. Вот что у них называется правильным путем!

Как кричала та женщина, когда ее душили на нарах! Уже с вечера в бараке все шептались, что ночью должно что-то произойти. К ним на верхние нары, где Анна с Катей спали на узких матрасах, набитых стружкой, залезла разбитная блатняжка Нинка. Воровато оглядываясь, она поманила их к себе и, придвинув свое круглое красное лицо, забасила прокуренным голосом:

— Чтоб ночью не шевелились! Вы ничего не знаете, ничего не слышите. Хватит этой легавой всех закладывать! Пришлют падлу сегодня. Вы, красючки, от меня ничего не слышали и меня тут не было. Поняли? — Нинка сползла вниз и исчезла. Ночная расправа была короткой. Но Анна никогда не могла забыть того, что произошло, будто сама принимала участие в убийстве...

Усилием воли Анна подавила слезы и подняла голову. Ну что она перед этими двумя так раскисла? Не они решают ее судьбу. Да, наверное, все уже предрешено. Анна залпом выпила

стакан воды и поднялась со стула.

— Мне кажется, мы обо всем поговорили. Я объяснила вам мой отказ, как могла. Больше мне добавить нечего. — Анна стояла боком к столу, она не хотела, чтоб видны были ее заплаканные глаза. — Уже поздно, я должна идти домой, родители будут волноваться.

Петр Сергеевич протянул ей лист бумаги:

— Вот, Анна, кстати, о родителях. Вы им не рассказывайте о нашем разговоре. Не только им, вообще — никому. Распишитесь о неразглашении. — Прочитав бланк, Анна поставила свою подпись. Она уже однажды расписывалась при выходе из тюрьмы, что не будет разглашать тайн КГБ и тут же стала рассказывать всем, кто интересовался, и о своем деле, и о жизни в тюрьмах и лагерях.

— Ну, теперь я могу идти? — В голосе Анны звучали просительные ноты. В их воле было все: сейчас арестуют. Перед глазами на секунду всплыла картина ночного ареста пять лет назад. Разбросанные вещи, сдвинутая мебель. На обеденном столе рядом с вазочкой с печеньем — ордер на арест... "Сейчас один из них вытащит из кармана такую же бумажку", — думала Анна, переводя взгляд с одного своего мучителя на другого. Те несколько секунд, пока не заговорил рыжий, показались ей бесконечными.

— Мы вам сами скажем, когда вы можете уйти. Речь идет о государственном деле, и мы вправе распоряжаться вашим временем. Пожалуйста, сядьте! — Анна покорно села. Боль разламывала голову, трудно стало дышать, мысли путались. Раздался стук в дверь.

— Я пришла спросить товарищей, не принести ли чаю? — елейным голосом пропела стоявшая на пороге Зинаида Павловна. С помощью этой уловки она хотела вызволить свои вещи из кабинета, чтобы, наконец, уйти домой. Институт уже давно был пуст. "Товарищи" поднялись.

— Хорошо, что вы заглянули, Зинаида Павловна, а то мы заговорились с Анной Евгеньевной и не заметили, как прошло время. Гости одевали плащи, превращаясь в еще более неразличимых близнецов. Они по очереди пожали женщинам руки. В дверях Петр Сергеевич, или это был Иван Иванович, Анна уже

не могла разобрать, обернулся и выстрелил в нее последнюю фразу:

— Так до скорой встречи, Анна Евгеньевна!

По пустым полутемным коридорам Анна пошла к себе в лабораторию. Кое-где из-под дверей виден был свет — некоторые сотрудники работали до позднего вечера. "А что, если Арон еще не ушел? — эта мысль заставила ее остановиться. — Что ему сказать, как объяснить такое долгое отсутствие? Сорвать невозможно — ему надо рассказать все, как было, и от его сочувствия сразу станет легче". Ей даже захотелось побежать по лестнице, чтобы поскорее увидеть своего шефа. Но, сделав несколько быстрых шагов, Анна остановилась: а вдруг он испугается, не поверит, что она отказалась, или решит, что если КГБ не оставил ее в покое, то с нею лучше не иметь никакого дела.

В коридоре, куда выходили двери лаборатории, было темно. Анна даже пригнулась, чтобы убедиться, что ни одна щель под дверью не светится. "Слава Богу!" — громко сказала она. Где-то в глубине старого здания ей ответило слабое эхо.

Открыв кабинет АRONA, она ощущала знакомый кроличий запах. Но кролика на столе не было. "Освободился, бедняга!" — подумала Анна. — Кролик умер, и никто больше до него не доберется. Счастливый, он умер! Он свободен!" — Вдруг она поняла, что разговаривает вслух.

"Боже мой, так ведь можно сойти с ума. Быстрее бы выйти на улицу!" — торопила себя Анна, стаскивая лабораторный халат и надевая дождевик. Тут она вспомнила, что надо позвонить домой, наверное, там уже паника. "Мама, я задерживаюсь, опыт еще не закончился, обедайте без меня". Пытаясь придать своему голосу бодрость, она, кажется, перестаралась. Что, если дома ей не удастся скрыть своего состояния, ведь мать с нее глаз не сводит — дождалась дочку! Анна вспомнила, как мать подсчитывала, сколько ей будет лет, когда дочь отсидит срок: 50 плюс 25 — 75 лет! Доживет ли она, и выживет ли дочь?

Сейчас уже прошло четыре месяца ничем не омраченного счастья. Как же можно рассказать дома о случившемся! Поселить постоянный страх.

На улице накрывал мелкий теплый дождик. Глядя под

ноги, Анна пошла по Пироговке вдоль бульварной изгороди. Навстречу ей и перегоняя ее спешили люди, иногда задевая тяжелой сумкой, портфелем, плечом. Никто не извинялся — на узком тротуаре было тесно, а Анна шла медленно, не попадая в общий ритм. Ее путь лежал по Пироговке, потом по Кропоткинской, потом вдоль Гоголевского бульвара до Арбатской площади. Можно было, конечно, сесть в автобус, как она обычно и делала, но сейчас ей хотелось долго-долго идти по знакомым улицам, по любимым с детства бульварам, идти, как мечтала в тюрьме, прямо-прямо весь вечер, всю ночь. У Никитских ворот неожиданно для себя она не свернула на свою улицу Качалова, а пошла по Тверскому бульвару, особенно напоминавшему детство. И вышла на шумную и многолюдную улицу Горького.

Очутившись в тесной толпе, Анна почувствовала, что идти дальше нет сил. Но вернуться домой было страшно. Вон оно, одиночество в толпе! До нее долетали обрывки разговоров, возгласы, шум машин. Какое-то знакомое ощущение появилось во всем теле. Трудно переставлять отяжелевшие ноги, спину ломит от усталости. Сколько еще километров до лагеря? Идут пятерки женщин. На огромных ботинках комья прилипшей грязи. Пудовый бушлат давит плечи. Над колонной в воздухе гул — это шум шагов, вплетенный в приглушенный говор. Громко разговаривать во время движения запрещается. Перейти из одной пятерки в другую нельзя: конвоиры с автоматами и огромные овчарки следуют вдоль колонны. Напутствие начальника конвоя перед началом марша всегда одно и то же. Оно заканчивается словами: "Шаг вправо, шаг влево считаю побегом! Конвой применяет оружие без предупреждения!" Эту "молитву" конвоя Анна слышала два раза в день — на пути к объекту работы и перед возвращением в лагерь. К этим словам привыкли, они перестали пугать, хотя нередко и "применяли оружие без предупреждения". Потом сообщали: "убит при попытке к бегству". Анна идет, не замечая дороги. Мысли ее в далекой Москве.

Вдруг от сильного толчка она остановилась — прохожий в спешке налетел на нее и побежал дальше. Озинаясь вокруг и пытаясь вернуться в "сейчас", она трясет головой, трет глаза. Боже мой! Как вырваться из прошлого? В мыслях оно реальнее

настоящего. А может быть, ничего не надо разделять? Одно переходит в другое, возвращается вспять. Люди вокруг спешат в свое завтра, волнуются, суетятся. А прошлое наступает им на пятки. Сегодня утром было так хорошо и легко идти на работу. И вот — бездна пролегла между сегодняшним солнечным утром и этими дождливыми сумерками. Да разве она была хоть минуту свободна!

Колонна заключенных готова к маршу. Бегут вдоль серых рядов солдаты — последняя проверка, подсчет. Щерятся овчарки. Далеко в голове колонны раздается знакомая команда: "Приготовиться! Шаг вправо, шаг влево считаю побегом! Конвой применяет оружие без предупреждения!"

A. Туманова

THE
NEW REVIEW
Новый Журнал

Основатели М. Алданов и М. Цетлин — 1942

С 1946 по 1959 редактор М. Карпович

С 1959 по 1966 редакция: Р. Гуль, Ю. Денике, Н. Тимашев

С 1966 по 1975 редактор Роман Гуль

С 1975 по 1976 редакция: Р. Гуль (главный редактор),
Г. Андреев, Л. Ржевский

1978-1981 редактор Роман Гуль

1981-1983 редакция: Роман Гуль (гл. редактор)
Е. Магеровский

1984-1986 редакция: Роман Гуль (гл. редактор),
Ю. Кашкаров, Е. Магеровский
1986 Редакционная коллегия

сорок восьмой год издания

НОВЫЙ ЖУРНАЛ

Условия подписки:

Подписная цена на 1989 год (за 4 книги) для университетов и организаций — \$50.00 (пересылка в США — \$6.00, заграницу — \$10.00)

**Подписная цена в год за 4 книги для отдельных лиц — \$40.00
(пересылка в США — \$6.00, заграницу — \$10.00)**

**Цена отдельного номера — \$12.50
(пересылка в США — \$1.50, заграницу — \$2.50)**

**Плата от заграничных подписчиков принимается ТОЛЬКО
в международных чеках.**

**ЗАКАЗЫ АДРЕСОВАТЬ В РЕДАКЦИЮ
«НОВОГО ЖУРНАЛА»**

**THE NEW REVIEW, 611 BROADWAY, #842
NEW YORK, N.Y. 10012**

Телефон редакции (212) 353-1478

**Прием по делам редакции и конторы
— по понедельникам и средам
от 10 до 12 час. дня.**